

**Группа SilverCast представляет
фантастический рассказ
по мотивам музыкального альбома «Chaos Engines»**

ИМЯ ХАОСА

ГЛАВА 7

Много позже, когда дыхание Ювелира стало свободным и спокойным, а его самого перестала бить дрожь, Длань Милосердия помогла ему лечь, устроив голову на своих коленях, и укрыла одной из шалей, внимательно следя за тем, чтобы полотно не испачкалось от грязного пола. Старуха не терпела грязи.

Глаза её подопечного были абсолютно бессмысленны, он неподвижно лежал, ни на что не реагируя. За исключением отдалённых звуков работающего Храма, здесь было очень тихо. Это вполне устраивало Длань Милосердия, и, уважая желание Ювелира самостоятельно осмотреться, она продолжила молча ждать.

Ювелир тем временем собирал информацию вокруг себя. И то, что он смог узнать, его не радовало. Замок в камере запирает самоцвет, который не выйдет с ним, Ювелиром, на контакт. То же с камнем-блокиратором. Сейчас ночь – это очевидно по магнитному полю, которое контролирует луна. С момента его заточения прошло либо неизвестное количество месяцев, либо всего один день – это также очевидно из лунного магнетизма, если обратить внимание на момент цикла. Храм, видимо, чего-то ожидая, не шел с ним на полный контакт. Всё. Больше, как ни старался, Ювелир ничего не смог узнать. В этой части Храма не имелось больше камней, за которые он мог бы зацепиться и узнать что-то ещё. Итог был один – самостоятельно отсюда не выбраться. И в живых не осталось никого, кто мог бы ему помочь.

Ювелир перевёл внимание извне и сфокусировался на текущем моменте. Субъективное и объективное течение времени, наконец, синхронизировались, и он снова мог адекватно вести беседу.

- Можешь передать Первожрецу – я готов.

Длань Милосердия издала квакающий звук, который походил на смешок, и спешно забрала свою шаль. Ювелир сел напротив неё так, чтобы удобно было держать визуальный контакт. Сейчас он успокоился, сосредоточился и снова не доверял старухе. Теперь не осталось никого, кому можно было бы доверять.

- Первожрец тут ни при чём. Он тебя бросил умирать согласно рекомендациям центра. Думаю, чтобы удобнее подгадать время прихода нового Ювелира.

- День или месяц?

- День, - бросила старуха. Ювелир понял, что она во всём права – следующим утром должна быть закончена установка Купола лепестковой развёртки. Приход нового Ювелира мог вызвать ненужные всплески энергии, что создало бы неудобства. Конечно, всё было так просто. Скорее из любопытства он задал следующий уточняющий вопрос.

- Я был мёртв?

- Это сложный вопрос. Смерть разные учёные связывают с остановкой различных процессов в механоидом или квази-органическом теле, но если резюмировать, то в итоге чуть-чуть не успел.

Значит, новый демон вовремя не придёт. Когда это станет известно – через день, неделю – или известно уже сейчас, предугадать нельзя. Ювелир точно узнает, сразу перед тем, как его убьют, в этот раз наверняка. Значит, действовать нужно немедленно. Но он не знал, что ему делать. Строго говоря, положение с точки зрения логики было безвыходным.

- То есть я тебе нужен. Есть что-нибудь выпить?

- Я же сказала, что ничего тебе больше не дам. Демоны не умирают ни от голода, ни от жажды. И чувствуют абсолютно всё. Меня это устраивает вполне. Особой любви я к тебе уже не питаю, и больше помощи не жди.

- Жестокая, - похвалил Ювелир, потрогав ещё раз одежду старухи, - любишь себя. Что тебе надо?

- Ты хотел уничтожить Храм?

- Да.

- Уничтожь. Сотри в пыль это место, полное желчи, боли и страха. Зловонный котёл притворного стыда. Всем своим существом я ненавижу тех, кого спасаю, кого укрываю, чью боль забираю, - ядовито шипела она. - Живые – рассадник мерзостей, которые они все сливают на меня. Источник моих вечных мучений – ты видишь, что они со мной сделали? Я всю забранную боль алчно желаю отдать этим мерзким тварям, и ты можешь сделать так, чтобы у меня был повод и шанс.

- Но как? Как я посмею уничтожить свой единственный дом? Этот Храм, чем бы он ни был для тебя – мой свет, смысл моей жизни! Я его неотделимая часть, мы неразлучны, мы едины!

- Ух ты ж как заговорил, мой любезный! Когда ты развлекался со своей маленькой мастерицей, тебя эти вопросы не больно-то занимали, - мерзенько проскрипела демонесса, деловито приподняв одну из жидких бровей. Смеялась.

- Ты знала, что Кода - мастер?

- У нас был договорчик – я обеспечивала ей что-то вроде естественной регенерации, какая есть у демонов, а она обслуживала меня, как умела. Было прибыльно. Мы часто пользовались друг другом. Девочка, у которой ты без вины вырвал сердце, умела доставлять мне единственное удовольствие, которая я знала в очень-очень долгой своей жизни. И её достаточно часто били, чтобы я была ей очень-очень сильно нужна. А теперь я хочу, чтобы ты уничтожил этот конвейер по производству страданий. Моих страданий. Теперь, когда я узнала кое-что, - она горько ухмыльнулась, - хорощее.

- Я думаю, создатель хочет избавиться от первых из нерождённых, - поделился своей догадкой Ювелир, - скоро Хаос будет побеждён, и ни к чему оставлять тех, кто помнит все его ужасы. Если я и подниму войска против Первожреца, мы с тобой обречены, сестра.

- Пусть так, - в голосе старухи Ювелир услышал достоинство и смелость, которые, он точно знал, были искренны до самой глубины. Так говорили механоиды, которых он потом убивал. - Ты сказал что помнишь, как я впервые тебя спасла?

- Да, - Ювелир сосредоточенно кивнул, - я помню, ты была... другой. Я смотрел на тебя, и ты была так прекрасна! Ради тебя мы втроём начали драться с Хаосом. По-другому, не из страха перед ним, но движимые огромной любовью к тебе. И я тогда думал, что ты и есть сам Сотворитель, его воплощённая красота. И когда мы проигрывали, ты опять утешала нас, забирала нашу боль себе, исцеляла. Именно так мы отвоевали первый островок порядка. А теперь... ты изменилась.

- Такая, какая есть! - демонесса прицокнула языком, а потом очень внимательно посмотрела на Ювелира. - Что ж, я, несомненно, худшее, что создал Сотворитель. Делай, что тебе нужно. Но уничтожь Храм, уничтожь! – из злобных глаз густо струилась ненависть.

- Можешь вынуть мой блокиратор?

- Нет, - прошипела она, - я даже притронуться к нему не могу. Ты ведь сам сделал так, чтобы я не смогла спасти Конструктора после того, как он обезумел. Из вас троих, кого я всегда любила, я никого в действительности не смогу спасти. Ты обо всём позаботился, мой родной.

- Да. Я сделал очень хороший капкан для себя.

- Именно. А теперь сиди в нём. Я могла бы что-то придумать с решеткой, но не стану. Я приду, когда ты поведёшь свою армию на приступ, а ты сделаешь это однажды,

иначе Первожрец бы тебя не боялся, уж его-то пророчествам я доверяю. И тогда я верну этому миру всю его боль. А пока ты будешь здесь гнить, тебе будет очень-очень плохо. И я тебе не помогу больше.

- Но ведь ты всегда любила нас троих – меня, Конструктора и Первожреца?

- Когда-то это было рефлекторное чувство – вы были одни, я вдохновляла вас, потом привычка, а теперь... просто память. Сама по себе я не полюбила бы демона никогда. Как такое возможно? От вас просто разит безысходностью, постоянством, как смертью. Когда придёт время – ты позовёшь меня, и я приду. И посмотрев на то, что станет с тобой, улыбнусь началу своей мести.

Длань Милосердия исчезла. И Ювелир знал, что эта желтушная старуха, полная злобного раздражения, была очень и очень права.

Встать в полный рост в этой маленькой камере можно было только непосредственно у решётки. По стене справа что-то стекало. Приблизившись, Ювелир понял, что эти капли – некое подобие гнилой воды. Но пить было можно. Руками решетку не вырвать. На этом новости закончились. Сев у стены, Ювелир стал ждать, но никто не приходил, кроме чувства удушающей вины. Желчная старуха знала, что делала. Она была знатоком страданий разных свойств.

Сейчас Ювелир уже не мог так легко представить, что хотя бы кто-то его простил, но этого прощения ему отчаянно не хватало. Храм теперь больше не был его Храмом. Всё, что он имел, в одночасье стало отвратительно чужим. Проходило время, и в спёртом темничном воздухе Ювелир отчаянно старался не сойти с ума. Субъективное время опять неимоверно растянулось. Способность делить время на субъективное и объективное было психологической привычкой, обусловленной способностью к быстрым перемещениям, и поэтому даже при блокираторе осталась с Ювелиром.

Невозможность передвигаться в пространстве давила. Молчание камней делало его чужим для самого себя. Он больше не ощущал Храм. Чувство вины давило на плечи. Порождало бессильную ярость. И ничего, ничего нельзя было сделать. Очень хотелось, чтобы всё произошедшее было бы чем-то ненастоящим. Чтобы оно не случилось на самом деле, а было просто очень убедительной иллюзией, но события развивались очевидно не так. Первый раз в жизни Ювелир не мог раствориться в Храме. Он остался наедине с собой. И это было всё равно, что остаться наедине с незнакомцем, который всем своим видом отталкивал и пугал.

Больше не ощущалось привычного потока информации, к которому так тянуло. Нечего было планировать и анализировать. Пустота. Руки нервно тряслись, и потели ладони. К горлу подкатывал, а потом внезапно отпускал страх. И так не хватало узловатых рук Длани Милосердия, её грубой, ненавидимой ею самой заботы. Это было подкупающее и манящее чувство. Но он больше никогда её не увидит. Он больше не увидит никого.

Субъективное время ещё больше замедлилось, почти превратившись в вечность. Чувство оторванности от окружающей среды больше напоминало наркотическую ломку. Он стал ничем. Вычеркнут из собственной жизни. Предатель всего, что было ему дорого.

Ювелир метался по своей крохотной камере, просто для того, чтобы хоть как-то чувствовать движение, в котором всегда находился, но выдать одно за другое не получалось. Предатель. Псевдоорганика начала его подводить. Не выдержав субъективной скорости течения времени, ноги подкосились. Он знал – когда силы вернуться, он опять продолжит пытаться убежать от себя в этой комнатухе, в которой он почти видит собственную спину.

Чтобы не останавливаться. Чтобы пытаться не признавать себя виновным в своих преступлениях. Правда, он стоял коленях, просто не чувствуя слабых ног, и уже во всём сознался себе. Он виноват. Худшее, что есть в этом Храме, в этом мире – это он. Ювелир первый раз в жизни заплакал, сделав это от омерзения и жалости к себе, и захотел себя уничтожить. Он смог бы это сделать просто руками. Он смог бы найти способ...

Пахнуло свежим ветром. Встрепенувшись, Ювелир увеличил субъективную скорость течения времени, стараясь синхронизировать её с реальностью, но уже не смог. Даже это выскользнуло из-под его контроля. Он затравленно улыбнулся, поняв, что действительно сходит с ума.

Перед ним был ветер. Чем-то неуловимо напоминающий фигуру демона или механоида. В руке это что-то держало хрустальную сферу, и, приблизившись, Ювелир смог разглядеть, что было в ней. Обрыв в угольную разработку. Девушка в свадебном платье, а сзади неё темная мужская фигура, тянущая руку к её спине.

- Сохранитель, - выдохнул Ювелир, подняв глаза на фигуру-ветер. - Ты существуешь.

Он протянул руку, он тянул её больше вечности через густой тёмный спёртый воздух и взял застывший в хрустале момент.

- Я могу разбить это и вернуться в этот момент, сделать другой выбор и убить её, защитить Храм и спасти друга?

- Если хочешь, - шепнул в ответ ветер и исчез.

Волна облегчения прошла от позвоночника по всему телу. Всё это скоро кончится. Он прощён. Прощён! Всё это уже не так реально. И не так страшно. Теперь он знает, что и как нужно делать. Всё просто.

Хрустальная сфера с чудовищной силой ударилась об пол, но не разбилась. Ювелир поднял её и ещё раз внимательно осмотрел. Всё правильно. Ошибки быть не может – это одна из легендарных сфер Сохранителя. Те самые, в которых он хранит моменты, когда судьба демонов или механоидов может свернуть в другое русло. Сохранитель предлагал их разбить редко. Так редко, что в его существование почти никто не верил, но раз уж он существует, то этот момент – как раз подходящий. Может прийти новый Ювелир, и Конструктор соберёт нового Хранителя, но другой Коды никогда не будет. Может быть, то, что происходит сейчас, потом забудется, потом потеряет смысл, но так или иначе, он, Ювелир, демон построивший Храм, знает, как не знает никто – то, что происходит сейчас, имеет большое значение.

И, конечно же, он хочет защитить Храм. И если нужно – защитить от самого себя. Но что, если это не то, чего желает Сотворитель? Не важно! Ювелир хочет вернуть к жизни тех, кто был ему дорог!

Он снова ударил сферу об пол, и та вновь осталась целой. Он сделал это и третий, и четвёртый раз. Бил её снова и снова до тех пор, пока сфера не выскользнула из рук и, прокатившись между прутьев решетки, не исчезла за границей тени. Ювелир тянулся к ней, но так и не смог достать.

Сохранитель сказал «если хочешь» в ответ на вопрос «могу ли я?». И если он не мог, значит, в действительности не хотел. Значит, там, в глубине души тот, кем был Ювелир, всё же любил эту девушку без имени. Любил больше, чем он любил лучшего друга. Больше, чем ту, уже мёртвую, что без всяких сомнений заслуживала его любви.

И ушедшая в ночь девушка-механоид в свадебном платье, конечно же, была права, что отступила, увидев, как её жених счастливо влюблён в другую. Здесь, в подземельях Храма, весь в грязи и собственной крови, оставленный вечно умирать от голода в пространстве нескольких квадратных метров, Ювелир всё также отчаянно требовал от остального – счастливого и сытого мира того же, что сделала она. Отойти прочь.

Раствориться во тьме. Исчезнуть. Его не интересовало благополучие этого мира. Он ни за кого ничего не хотел решать, но требовал, отчаянно требовал, чтобы ему дали, разрешили получить это неназванное, неизвестное никому право искать и находить себя. Право быть с кем-то другим, даже если это решительно невозможно, если это противоречит решениям центра, решениям Первожреца и Создателя. Кого угодно! Право решать за себя.

Он изобрёл это право. Право чувствовать ветер, право ловить оранжевые отблески солнца на утренних волнах, право не верить себе, но всё же убеждаться в том, что вот-вот и именно сейчас ты погружаешься в счастье, на которое раньше не смел рассчитывать. Простое, наивное, но полное как никогда счастье смотреть из окна поезда на серые одинаковые крыши до боли знакомых мест.

Право совершать ошибки. Мучительно искать выход из созданных самим для себя лабиринтов. Право искать. Искать в книгах, в тренировках воли и в зеркалах этого таинственного незнакомца, того, чью спину видишь, если очень быстро бежишь – самого себя. И хлопать себе по спине, зная, - ты обернёшься на это прикосновение.

Но чтобы отойти назад, раствориться во тьме шагами идеальной тишины, этот мир и этот Храм должны были полной душой любить Ювелира.

Глупости, не стоящая внимания дребедень. Мы не слышим только то, что в действительности не хотим слышать. Идеальная тишина – это не то, с чем ты борешься, не то, что уничтожает тебя, грузно навалившись сверху и давя, растирая тебя между своими жерновами. Не то, что шепчет тебе ночами, заставляя бояться, заставляя петлять в собственной темноте, обожать тупики, из которых выбираешься не так, как нужно, а вверх, по стенам, так, будто не признаёшь их тупиковой однозначности. Идеальная тишина – это не то, что заставляет тебя выходить из этого мира, делать шаг вбок и принуждать его выверенную паучью логику течь вокруг тебя как эфир. Идеальная тишина – это не то, с чем танцует девушка в объятьях механического призрака. Идеальная тишина – это не соперник. Это враг.

Враг, который обнажает твою неприглядную душу, который способен появиться на свет, только если ты действительно плох. Если ты вправду способен на это – не заметишь, как уходит прочь единственная, нелюбимая, но любящая тебя, как никто другой, женщина. Как падает мусор, брошенный на мостовую – он уходит в идеальной тишине – воплощении твоего безразличия. Клочок бумаги, страдающая душа, весь мир. Неважно, что пропадёт в этой тишине. Она всё примет в себя, и не нужно себе врать, что ты ей ничего не отдал. Ты просто не знаешь сколько. И не можешь знать. Никто не хочет видеть мир таким, какой он есть. Кто выдержит такое? Кто примет его холодный механический удар, полный всё той же безысходной чёткости, не надеясь в последний момент на то, что есть какой-то шанс, что ты не знаешь всего. Что возможно...

И в этот момент, холодной дрожащей рукой сердце Ювелира сдавило ясное, как смерть, осознание – он действительно не хотел спасти лучшего друга. Он не достал для Дракона алмаз. Он не исчез из Святилища, как только туда ворвалась стража. Он не разбил эту проклятую сферу. Он, Ювелир, – чудовище, которого ещё не породил Храм.

Под грузом стыда и раскаяния, не зная, кто он такой и куда хочет прийти, он понимал, что был прав. И это было хуже всякого обвинения, страшнее любого наказания: он перестал понимать, где правильные и неправильные поступки – он начал сам за себя решать. И это осознание вызывало почти то же ощущение, что и боязнь высоты безудержно синего неба.

Винить себя оказалось гораздо проще, чем понимать: то, что он сделал каким-то особенным, непонятым никому образом, верно. Мучительно страшно, откровенно больно, но верно! Верно именно в смысле преданности каким-то ещё не написанным законам, которые кто-то когда-то напишет за него. Вся боль этого мира и Храма была правильной – потому, что появлялась и исчезала в своё время. Служила целям, о которых никто не знал. И только боль Ювелира была верной. Верной, как верность, хотя он не мог понять кому или чему.

Ювелир не понимал этого, но логика уже начинала работать, и очень скоро её неумолимые механизмы приведут его страшной дорогой к озарению. Стоя на его пороге, Ювелир страдал, как страдал бы от того, что кто-то разорвал ему грудь, как страдал бы от того, что в тело проник страшный токсин.

Страдал от неизвестности, неопределённости и страха. Сейчас он первый раз молился, совсем не подбирая слов. Он почти чувствовал, почти проник за непроницаемую границу. Почти сложил все вопросы в один ответ. Если бы нужно было сказать одним словом, что ему нужно, чего самого главного он хочет и за что он бросил всё, что имел, то он не смог бы это сделать сейчас. Он пытался. Слишком много понятий, разрывающих его сознание, не имели пока имён. Подбирать слова – почти то же, что драгоценные камни. Такие похожие, но где-то есть один-единственный нужный. Субъективное время можно завернуть почти в бесконечность. Ответ есть. И опыт помогает его найти.

А где-то там, за границей видимости лежала сфера, подарок Сохранителя, хрупкая вещь, которую невозможно было уничтожить. Она служила лишь одной цели – она доказывала.

Здесьние обитатели деловито принялись за те участки его одежды, которые наиболее пропитались кровью.

Понимая умом, что недостойн прощения и права на покаяние, Ювелир отчаянно хотел, чтобы чья-то большая и добрая по отношению к нему воля просто убрала бы из его мира всю эту боль и всё это смятение. Здесь, находясь за чертой отчаяния, за всяким пределом, в котором ещё возможна таинственная благодать, демон искал в неровной кладке низкого потолка щёлку, через которую на него может снизойти самая удивительная и редкая вещь в этом мире и этом Храме – милосердие. Милосердие, исходящее от кого-то, кто всемогущ и добр. От того, кого не озлобят подопечные, ищущие себе новой и новой боли. Простая немотивированная и безграничная доброта. Но этого не существовало в его мире машин. Здесь была только желтокожая Длань и её скрипучий насмешливый голос.

В этом правильном мире никто не запутывался глубоко в сетях самого себя так крепко, чтобы просить о помощи пустынный грязный потолок. Недостойный, не принятый, оставшийся без всяких ответов, Ювелир не мог просить о спасении.

И если бы одним словом нужно было бы сейчас сформулировать все стремления, которые ещё остались в нём, то это слово было – «любовь». Он подобрал это слово. Выбрал, как единственный подходящий для инкрустации самоцвет, из сотен и сотен похожих, и более не мог себе позволить его потерять. В этот момент, скрипя на ржавых петлях, в душе отворилось что-то. Это нечто назвало ему слово – «свобода». А затем его нагнало третье слово – «сожаление». Одно из этих слов было именем Хаоса. Осталось только принять этим сгустком боли единственно правильное решение.

Он недостойн прощения, но теперь он знает, что оно может случиться. Недостойн истины, но чувствует – она существует. Теперь в мире была не только правда и ложь, но и тот, кто мог отличить их друг от друга, дать им иное значение, чем единица и ноль. Неправильный, не-умный и не-смелый. Такой, каким он вышел сам у себя.

В сознании наступила тишина. Ювелир смотрел прямо перед собой. Он видел прутья своей решетки. Он ждал то ли прозрения, то ли смерти и смотрел на прутья решетки. Он больше ни о чём не думал – просто ждал и смотрел. А потом мягко и светло улыбнулся, поняв, что это – подарок. Подарок – вот так вот сидеть и смотреть.

Первожрец находился в одной из своих комнат, просматривая доклады за день. Внезапно он осознал, он понял, что сейчас произойдёт, но было уже поздно. Нужное колёсико подхватывало зубчик, и маленькая шестерёнка вот-вот готовилась прийти в движение. Шестерёнка, дремавшая с самого сотворения мира. Поднявшись, Первожрец спешно вышел, на ходу созывая стражу, но было уже поздно. Твёрдым шагом он направился в арсенал, где его оруженосец готовил амуницию и оружие, но было поздно, поздно... шестерёнка пришла в движение, и там, в глубине Храма Ювелира бросило в дрожь.

Тишина. Грузная, плотная тишина. Тишина, которую можно потрогать. Ювелир, выпрямившись, молча стоял в своей камере, и за его спиной, облачённая в свой полный доспех, криво улыбалась Длань Милосердия.

К ним спустился щуплый механоид с обветренным морщинистым лицом. Напыщенно сделал многочисленные знаки приветствия, уважения и подчинения и, прислонив к замку механическую кисть, через некоторое время вскрыл замок. В знак величайшего самоуничтожения, он, открыв решетку, распластался на полу, и демоны вышли из камеры, пройдя по его тщедушному телу.

- Встань, - произнёс Ювелир. Механоид поднялся, но не разогнул спины

- Мы слышали твой зов, господин, - хрипловато произнёс он. - Мы готовы сражаться.

Не обратив на эти слова внимания, Ювелир прикоснулся к самоцвету, который контролировал замок.

- Тебе нечего стыдиться. Ты побеждён, но тебя победил лучший из когда-либо живших взломщиков. Тебе больше некого охранять. Пойдём с нами. Я даю тебе вторую жизнь.

Рядом с ними возник высокий механоид, который, судя по всему, почти не имел органических частей. Он молчал.

Ювелир посмотрел вперёд и ещё раз попытался проникнуть в эту безумную тишину. Он закрыл глаза, глубоко вдохнул тяжёлый воздух. Тишина. Плотная. Непривычная. Страшная. Механоид проскользнул за спину Ювелиру и почти безболезненно вынул блокиратор. Камень сразу же исчез из его рук, и рядом с ними возникла девочка с небесно-голубыми глазами, чей взгляд был полон недетской жестокости.

Длань Милосердия адресовала ей краткий знак уважения, и этот жест наполнил сердца стоявших рядом мужчин ужасом перед этим ребёнком.

Тишина. Тишина, которой не знали ни Храм, ни мир. Великая Тишина. Тишина, которую он научился слушать и слышать, наблюдая за танцем проклятой беззвучием женщины.

Ювелир открыл глаза.

- В бой.

Продолжение следует...

*Нелле
Санкт-Петербург, 2012*